

А.В. Резаев, Н.Д. Трегубова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В СОЦИОЛОГИИ: УРОВНИ ПРИМЕНЕНИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье анализируются возможности и теоретико-методологические проблемы сравнительного анализа в социологии. В первой части рассматриваются особенности сравнения в социальных науках в соотношении с естественными науками. Во второй части на основании анализа дискуссии в современной социологической литературе определяются необходимость и основные концептуальные проблемы сравнительного исследования в социологии.

Ключевые слова: *сравнительный анализ, сравнительная социология, качественная и количественная стратегии сравнительного исследования.*

Keywords: *comparative analysis, comparative sociology, content-analysis, qualitative and quantitative strategies of comparative research.*

Обращаясь к отечественной социологической литературе, зачастую трудно определить, что такое сравнительная социология. В целом, наряду с немногочисленными эклектическими комбинациями, в нашей литературе доминируют представления о том, что сравнительная социология есть не что иное, как использование сравнительного метода при анализе социальной реальности, или же о том, что сравнительная социология есть способ осмысления социальных фактов на основе сопоставления или разграничения некоторых показателей и характеристик. Данная работа, рассматривая некоторые вопросы теории и методологии, содержит попытку в самом общем виде *проблематизировать* предметное поле сравнительной социологии. Принципиальными для нас являются вопросы: в чем специфика сравнения в социологии? Может ли социология обойтись без сравнения? Какие проблемы сопутствуют применению сравнительного анализа в социальных науках? Каковы особенности использования сравнительного анализа в классической социологической традиции и в работах современных социологов?

Сравнение в естественных и социальных науках

Прежде чем определить специфику использования сравнения в социологии, необходимо дать характеристику сравнению как акту мышления. Сравнение — это познавательная операция, направленная на определение сходств и (или) различий между явлениями: «Уже самое поверхностное знакомство с актами сравнения показывает, что оно представляет собой такое познавательное действие, которое связано с сопоставлением некоторых объектов друг другу с целью установления или обнаружения их сходства или различия» (Федоров 2002: 5). Сравнение предполагает две процедуры. Во-первых, поиск основания для сравнения, что интуитивно понятно: сравнивать, к примеру, стол и демократию можно только найдя для них общее основание, — это представления, находящие выражение в языке. Часто основанием для сравнения выступает определение через отличительный родовой и видовой признак, где основанием служат общие свойства, позволяющие причислить объекты к одному роду. Во-вторых, сравнение предполагает определение критериев сравнения — свойств, по которым выделяются сходства и различия объектов. При этом, устанавливая определенные критерии, мы фокусируемся на определенных свойствах объектов или явлений, пренебрегая иными.

Такова характеристика сравнения как акта мышления. Но как этот универсальный акт мышления используется в социальных науках? На наш взгляд, плодотворным может оказаться сравнение социальных наук с естественными, т. е. сравнение в отношении использования сравнения. Объектами подобного сравнения послужат естественные и социальные науки (точнее, их грубые идеально-типические модели). В качестве критериев мы предлагаем способы использования сравнения на разных уровнях (сравнение между теориями, сравнение теоретической модели с объектом, сравнение между эмпирическими объектами).

Относительно сравнения между теоретическими моделями, осуществляемого исследователем, можно отметить следующее. В естественных науках исследователю обычно не нужно выбирать между теоретическими моделями (по крайней мере, основополагающими). Каждая естественная дисциплина и субдисциплина, как правило, обладает единым принятым набором моделей, не конкурирующих, но покрывающих предметную область данной науки, и исследователю нет необходимости сравнивать теории между собой, чтобы выбрать, какую именно использовать для эмпирического исследования. Томас Кун утверждал, что конкуренция между разными моделями, позволяющими исследовать одно и то же явление, характерна не для нормальной науки, а лишь для ситуации парадигмального сдвига (Кун 2003). И хотя его идеи подвергались критике и могут служить лишь грубым приближением

ем состояния естественных наук, в данном случае они схватывают основное отличие от ситуации в социальных науках*.

Для социальных наук характерно состояние, близкое к тому, которое Пол Фейерабенд назвал «пролиферацией теорий» (Фейерабенд 1986): существует множество теорий, пригодных для разрешения той или иной научной проблемы, поэтому исследователь вынужден выбирать ту или иную, чтобы исследовать свой объект. И перед тем, как сделать выбор, ученый с необходимостью сравнивает эти теории. При этом данное сравнение и его результат — выбор теории — не являются научными, поскольку исследователь осуществляет их до опыта, до исследования объекта, они предшествуют научному исследованию. Важным здесь является то, что теоретические предпосылки могут быть принципиально разными: это определяет видение объекта исследования и способ его анализа.

Что же определяет выбор исследователя? Разумеется, на него могут повлиять прошлый опыт, авторитеты, давление научного окружения, конъюнктура, ограниченный доступ к источникам. Не стоит недооценивать эти факторы, однако они являются в определенной степени «случайными» и не составляют специфики социальных наук. (Они также могут толкать исследователя в разные стороны). Но еще Макс Вебер утверждал, что специфика объекта социальных наук предполагает заинтересованность, а значит, наличие ценностной ориентации у исследователя: «Ничтожная часть индивидуальной действительности окрашивается нашим интересом, обусловленным ценностными идеями, лишь она имеет для нас значение, и вызвано это тем, что в ней обнаруживаются связи, важные для нас вследствие их соотношенности с ценностными идеями. ... Однако определить, что именно для нас значимо, никакое “непредвзятое” исследование эмпирически данного не может. Напротив, установление значимого для нас и есть предпосылка, в силу которой нечто становится предметом исследования» (Вебер 1990: 373).

Во-вторых, социальные науки отличаются от естественных по способу соотнесения теории с эмпирическим объектом. Выделение любого эмпирического объекта предполагает теорию, «очки», через которые мы смотрим на объект. В естественных науках модель — это выделение отдельных аспектов действительности, отвлечение, абстрагирование от несущественного в рамках данной дисциплины. Сравнение объекта с моделью — операция, с помощью которой абстрактная модель прикладывается к хаосу эмпирической действительности: оно позволяет

* Возможно, в некоторых случаях для естественных наук правильнее говорить не о господствующей теории или парадигме, а о преобладании исследовательской программы или традиции, допускающей в своих рамках соперничество теорий (см. Лакатос 1995; Лаудан Ларри 1996–1997).

выделить объекты и классифицировать их множество. Теоретическая модель задает критерии описания, т. е. те свойства объекта, на которые исследователь обращает внимание, и они суть скрытые критерии сравнения объектов между собой.

Как обстоит дело в социальных науках? Прежде всего, теоретической моделью здесь часто выступает «идеальный тип». («Идеальные типы» встречаются и в естественных науках — например, «идеальный газ» — но там они не играют столь важной роли). Он отличается от абстрактной модели тем, что представляет не отвлечение от несущественных свойств (точнее, не только это), но преувеличение реальной ситуации: «идеальный тип» не призван соответствовать реальной ситуации. По определению Вебера, идеальный тип «создается посредством одностороннего усиления одной или нескольких точек зрения и соединения множества диффузно и дискретно существующих единичных явлений..., которые соответствуют тем односторонне вычлененным точкам зрения и складываются в единый мысленный образ. В реальной действительности такой мысленный образ в его понятийной чистоте нигде эмпирически не обнаруживается...» (Там же: 389). Тогда и определение, и описание объекта предполагают явное сравнение с идеальным типом, и именно отклонения от идеального типа имеют наибольшее значение. Через эти отклонения происходит и объяснение, причем идеальный тип «подсказывает» возможные объяснения. Таким образом, модель построена по-иному, чем в естественных науках.

Мы сопоставили социальные и естественные науки по двум критериям: нашли различия между ними при сравнении теорий между собой и при сравнении теории с эмпирическим объектом. Перейдем теперь к особенностям сравнения собственно эмпирических объектов. Здесь уместно задать следующий вопрос: зачем их сравнивать, или, иначе, когда мы сравниваем эмпирические объекты?

Для ответа на этот вопрос можно обратиться к мыслям двух теоретиков сравнительного анализа в социологии. Это высказывание Эмиля Дюркгейма: «Сравнительная социология не является особой отраслью социологии; это сама социология, поскольку она не перестает быть чисто описательной наукой и стремится объяснять факты» (Дюркгейм 1995: 115). Второе принадлежит Нилу Смелзеру: «Развивая эту мысль [мысль Дюркгейма], я должен отметить, что даже приложение к ситуации общих слов *описания* — таких как “густонаселенный” или “демократический” — подразумевает универсум случаев более или менее населенных или более или менее демократических и предполагает, что описываемый случай находится где-то *по сравнению с* остальными» (Smelser 1976: 2–3). Итак, сравнение используется и при описании, и при объяснении социальной реальности.

Описание объектов предполагает их скрытое сравнение, но нельзя утверждать, что сравнение всегда явным образом используется для описания: обычно, как уже было отмечено выше, критерии для описания заложены в теории и остаются скрытыми. То есть сравнение при описании играет вспомогательную, «вынужденную» роль. Но если говорить, что сравнение эмпирических объектов, явлений, процессов производится исследователем намеренно, с некоторой целью, то можно утверждать, что часто целью служит проверка причинно-следственных связей, то есть объяснение. В самом деле, описывая эмпирические явления, мы вынужденно сравниваем их косвенным образом, через теорию, поэтому сравнение ненамеренно. Объяснять же связь между явлениями мы можем и без помощи сравнения, постулируя объяснения в теории и «подбирая» факты, подкрепляющие эту теорию. Однако, останавливаясь на этом, мы игнорируем требование эмпирических наук — требование фальсификации данных, то есть проверки, попытки опровергнуть предполагаемые связи между эмпирическими явлениями*, а подобная проверка возможна лишь через их сравнение.

Здесь необходимо упомянуть о методах научной индукции Джона Стюарта Милля — классических научных методах установления причинно-следственных связей через сравнение объектов или явлений. Любая наука направлена на объяснение — поиск причинно-следственных связей, закономерностей, и ей необходимы эмпирические методы, которые позволяли бы подкреплять существование подобных связей. Для естественных наук эти методы были описаны в книге «Система логики» Джоном Стюартом Миллем, который развивал идеи Фрэнсиса Бэкона. Милль описывает пять методов, на которых построена логика научного эксперимента — основного средства установления причинно-следственных связей в естественных науках. Все эти методы предполагают систематическое выделение сходств и различий между явлениями, то есть сравнение (Кобзарь 2001: 129–133).

Специфика эксперимента в естественных науках состоит в том, что он проходит в контролируемых условиях, то есть исследователь может изменять и удерживать все те условия, которые, как он полагает, могут повлиять на ход эксперимента. Однако в социальных науках создание экспериментальной ситуации крайне затруднительно, поскольку невозможен контроль над всеми условиями. Эксперимент если и возможен, то лишь на микроуровне — в общей и социальной психологии, но почти никогда в социологии. Поэтому эксперимент здесь превращается в косвенный эксперимент, или сравнение, когда ученый, работая с имеющимися данными, стремится проверить причинно-следственную связь,

* О фальсификации как принципе эмпирических наук см. (Поппер 2005).

пытаясь соответствовать логике эксперимента, то есть логике одного из методов Милля.

Таким образом, сравнение в социальных науках выступает как косвенный эксперимент, и цель его совпадает с целью экспериментального метода: это проверка причинно-следственных связей, постулируемых в теории, то есть объяснение. Сравнение как косвенный эксперимент в социологии можно обозначить как сравнительный метод по аналогии с экспериментальным методом: «Когда... создание фактов от нас не зависит и мы можем сравнивать лишь факты, возникшие самопроизвольно, тогда употребляемый метод является косвенно экспериментальным или сравнительным» (Дюркгейм 1995: 139).

Важным следствием из данного положения является следующий вывод: поскольку сравнительный метод в социальных науках лишь приближает эксперимент, то его применение в эмпирической социологии неизбежно будет иметь специфические черты и характеризоваться методологическими проблемами соответствия канонам эмпирической (экспериментальной) науки.

Результаты нашего сравнения естественных и социальных наук могут быть представлены в виде следующей таблицы (табл. 1):

Таблица 1

Специфика сравнения в естественных и социальных науках

	Естественные науки	Социальные науки
Сравнение теоретических моделей* между собой	Исследователь вынужден выбирать между теориями только при смене парадигм, обычно имеется одна теория, пригодная для исследования данного явления в рамках данной естественнонаучной дисциплины.	Множество теорий одного объекта — нормальное состояние для социальных наук. Перед исследованием ученый вынужден делать выбор, который, не опираясь на эмпирический опыт (производимый до опыта), будет определяться его ценностными ориентациями.
Сравнение теоретической модели с эмпирическим объектом или явлением	Абстрагирование (отвлечение от несущественных признаков) позволяет выделить объект исследования и задает критерии описания. При этом описание предполагает косвенное сравнение с другими объектами через теорию.	Помимо абстрактных моделей существенную роль играют идеальнотипические (один из аспектов социальной реальности в преувеличенной форме). Из этого следует явное сравнение уникальных исторических ситуаций с идеальным типом и объяснение с помощью этого соотношения.

* Еще раз оговоримся что «теоретическая модель» — это довольно грубое упрощение. В некоторых случаях ее следует заменить «исследовательской программой» или «исследовательской традицией».

Сравнение эмпирических объектов или явлений между собой	Явное сравнение встроено в логику естественнонаучного эксперимента (методы Милля).	Эксперимент зачастую невозможен, его заменяет множество сравнительных методов (сравнение как косвенный эксперимент).
---	--	--

Концептуальные проблемы сравнительного анализа в социологии

Рассмотрев, как сравнение используется в социальных науках через противопоставление их наукам естественным, мы сменим угол зрения на противоположный (в определенном смысле). Сейчас речь пойдет об эмпирической социальной науке и о методологических проблемах, стоящих перед ней как перед любой позитивной наукой, или, другими словами, о следствиях сходства между естественными и социальными науками.

Если социология есть наука позитивная, тогда перед ней стоит задача не просто создавать теоретические модели существующих явлений и процессов, но и проверять эти модели эмпирическим путем. Как это возможно? Социологии угрожают две крайности. С одной стороны, уникальность и многообразие явлений, которые она анализирует, подталкивает ее к следованию логике истории, к повествованию (описанию-объяснению) об уникальных событиях. С другой стороны, существует опасность «соскальзывания» социологии к социальной философии, когда избранные факты лишь иллюстрируют теоретические положения, а не проверяют их. В терминах Чарльза Рагина и Дэвида Зарета, это вызов со стороны сложности исследуемой реальности и со стороны уровня обобщений (Ragin, Zaret 1983: 731). Если историки обычно заняты проверкой фактов, но не способов интерпретации, а социальные философы критикуют теоретические положения оппонентов, не стремясь тщательно проверить подкрепляющие их факты, то социологам приходится делать и то, и другое: они открыты критике и со стороны теоретических предпосылок, и со стороны анализа данных. Это можно представить в виде схемы (рис. 1).

Таким образом, любое социологическое исследование охватывает лишь небольшой участок в пространстве знания. Оно не может опираться на все возможные теории объекта, равно как и использовать все возможные методы работы с данными и способы эмпирической интерпретации теории.

Следовательно, социологии необходим способ анализа эмпирических данных, способный проверять (а не просто иллюстрировать) теорию на эмпирических данных. А мы уже показали, что это с необходи-

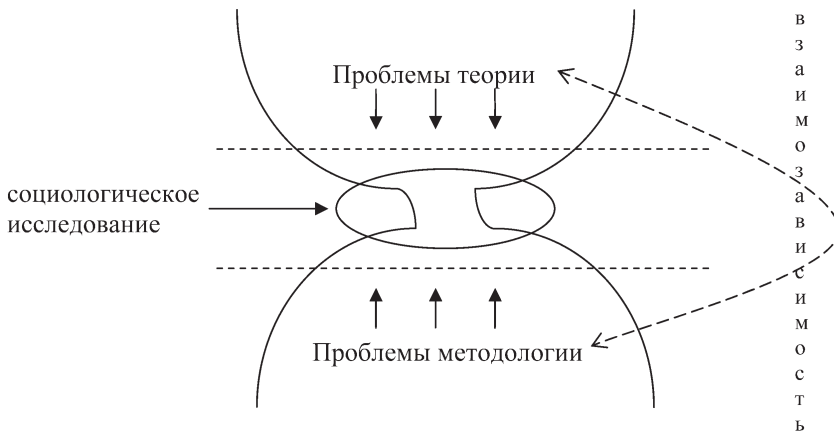

Рис. 1. Эмпирическое исследование в социальных науках

мостью предполагает сравнение эмпирических объектов или явлений. Таким образом, можно сделать вывод, что эмпирическая социология с необходимостью будет пользоваться сравнением, и это не что иное, как сравнительные методы, то есть сравнение как косвенный эксперимент. В этом смысле можно согласиться с утверждением Дюркгейма, что сравнительная социология — не отрасль социологии, а сама социология, если хочет объяснять факты, имея в виду научное объяснение. При этом нужно учесть, что проблемы теории и методологии сравнительного социального анализа не будут уникальными, а лишь представят с большей ясностью проблемы эмпирической социологии.

Модель сравнительного исследования Нила Смелзера

С нашей точки зрения, работа Нила Смелзера «Сравнительные методы в социальных науках» была первой в современной литературе попыткой детального осмысления концептуальных проблем сравнительного социального анализа (Smelser 1976)*. Она состоит из двух частей. В первой части Смелзер анализирует труды крупнейших представителей сравнительной макросоциологии (к которым он относит Алексиса де Токвиля, Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера), во второй — рассматривает работы современных ему авторов.

В начале работы Смелзер утверждает, что будет обращаться не ко всем сравнительным исследованиям, а только к таким, где анализируются общества, государства, культуры — он называл их «социальными объектами с явными отличиями» (dissimilar social units). (Очевидно, что внимание Смелзера сфокусировано на сравнительных макросоциоло-

* В 2012 г. в ЖССА было опубликовано интервью с Н. Смелзером и список его основных публикаций (Интервью... 2012).

гических исследованиях). Преимущество сравнительных макросоциологических исследований, по Смелзеру, в том, что методологические проблемы при их анализе «с положительной стороны ... предстают здесь с большей ясностью. С отрицательной же стороны, попытки решить их, вероятно, будут страдать от более серьезных и очевидных затруднений».

Главная мысль автора состоит в том, что исследователь стремится контролировать вариацию (то есть изменение параметров явлений — их сходства и различия), чтобы проверить объяснительную модель. Это предполагает упорядочение данных с помощью теории (например, деление на причины и следствия) и собственно контроль над данными (изменяются или нет их значения); первый вид контроля логический, второй — эмпирический. Как мы уже отмечали, для естественных наук для второй цели служит эксперимент, однако в социологии он зачастую невозможен, поэтому она использует сравнение уже имеющихся данных.

Смелзер предлагает следующую схему сравнительного (макро)социологического исследования (рис. 2):

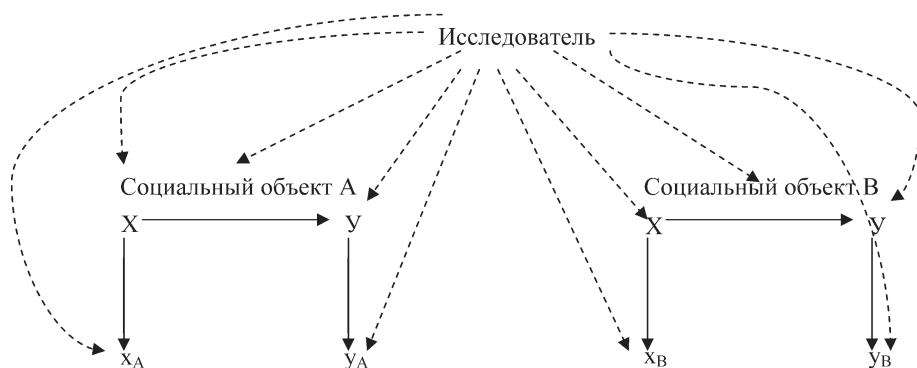

Рис. 2. Ситуация исследования, включающая отличные социальные объекты

Ситуация подобного исследования, по Смелзеру, предполагает исследователя, который выбирает два или более отличных друг от друга объекта для исследования. В каждом из объектов исследователь стремится проверить одну и ту же причинно-следственную связь $X \rightarrow Y$. Чтобы проверить, выполняется ли данная связь $X \rightarrow Y$ в каждом из объектов, для переменных X и Y необходимо найти эмпирические показатели: X_A, X_B, Y_A, Y_B , соответственно. Важно, что данные показатели могут не совпадать для разных объектов (например, исследуя уровень высшего образования в США и России, ученый не может одинаковым образом учитывать количество лет обучения в школе, поскольку системы образования различны).

Следуя данной схеме, Смелзер выделяет три основные методологические проблемы. Во-первых, это сравнимость социальных объектов. Например, можно ли сравнивать Соединенные Штаты и австралийские племена на основании того, что мы поместили их в группу «общества»? Эти вопросы затрагивают методологические (а также теоретические) проблемы, связанные с классификацией. Во-вторых, это возможность рассуждать об абстрактных переменных в рамках выбранных для анализа объектов. Например, допустимо ли применять слово «политический» к роли и африканского вождя, и американского законодателя? (Можно отметить, что вопрос о переменных — это также вопрос теоретического обоснования). Наконец, это сравнимость показателей независимой и зависимой переменных при переходе из одного социокультурного контекста в другой. Например, как можно сравнивать современный уровень преступности с показателем вековой давности, если изменились процедуры регистрации и общественное определение преступления? Это вопрос «перевода» теории на операциональный язык эмпирической реальности. Кроме того, Смелзер постоянно подчеркивает роль исследователя: именно он выбирает объекты, переменные и показатели в зависимости от явных или скрытых теоретических предпосылок, которые могут быть оспорены.

Количественная и качественная стратегии сравнения

Последующее поколение авторов, в отличие от Смелзера, менее склонно трактовать сравнительную социологию как единый проект. Наиболее распространенным является выделение двух стратегий сравнения, которые обычно возводят к Максу Веберу и Эмилю Дюркгейму: ориентированной на кейсы (case-oriented) и ориентированной на переменные (variable-oriented), которые также носят названия количественной и качественной стратегий (Ragin, Zaret 1983; Goldthorpe 1997a; Ragin 1987). (Еще раз отметим: проект социологии как позитивной науки в разных версиях был воплощен Максом Вебером и Эмилем Дюркгеймом, они же являются классиками сравнительной социологии (Smelser 1976; Ragin, Zaret 1983). Можно предположить, что это не случайно: мы сделали вывод, что чтобы быть эмпирической, социология вынуждена была стать сравнительной). Здесь будет представлено их описание согласно Чальзу Рагину, одному из наиболее выдающихся современных представителей качественной стратегии.

Чарльз Рагин и Дэвид Зарет в статье «Теория и метод в сравнительных исследованиях: две стратегии» характеризуют эти стратегии следующим образом. Они утверждают, что стратегии сравнительного анализа различаются по объектам анализа, концепциям причинности и объяснения, а также по логике анализа. Они являются принципиально раз-

личными, но могут взаимно дополнять друг друга. Различия между этими стратегиями обусловлены теоретическими предпосылками ученых, их видением социальной реальности. (Нужно отметить, что авторы говорят, прежде всего, о сравнительной макросоциологии).

Первая стратегия (ориентированная на переменные) обязана своим происхождением Эмилю Дюркгейму. Дюркгейм полагал, что сравнение возможно лишь внутри социальных классов, которые выделяются на основе принципа соединения и свойств их частей. Рагин и Зарет делают вывод, что речь здесь идет о принципе системной организации, следовательно, объектом анализа является система. Далее, Дюркгейм утверждал, что единственный метод, пригодный для социальных наук, — это метод сопутствующих изменений, или корреляция (когда постоянное соизменение двух явлений позволяет сделать вывод о причинно-следственной связи между ними). Данный метод предполагает действие внутренних, или постоянных, причин, то есть влияние, постоянно присутствующее данному явлению, которое является его атрибутом. Итак, концепцией причинности здесь выступают постоянные причины, а логикой анализа — сопутствующее изменение. Наконец, объяснение происходит через постулирование и проверку функциональных отношений и зависимостей между абстрактными переменными. Рагин и Зарет делают вывод, что данная стратегия противопоставляет объект и предмет исследования: объектом служат системы (например, общества), а предметом — отношения между абстрактными переменными.

Ориентированная на кейсы стратегия, основоположником которой является Вебер, отлична от первой по всем пунктам. Прежде всего, здесь отсутствует резкое различие между объектом и предметом анализа. В фокусе внимания исследователя находятся конкретные исторические процессы и структуры, а исходным объектом служит действие, имеющее смысл (что не препятствует построению идеально-типических понятий на макроуровне). Объяснение будет не функциональным, а генетическим, что предполагает объяснение явления через его историю, при этом идеальные типы служат вспомогательным средством объяснения, включая абстрактные обобщения о способствующих условиях и ограничениях процессов или явлений. Интерес к историческому объяснению способствует иной логике объяснения: обращению не к внутренним причинам, а к сочетанию разнородных внешних причин, что предполагает использование метода сходства, метода различия и соединенного метода сходства и различия. Рагин и Зарет называют эти методы логическими в отличие от статистической корреляции и подчеркивают их качественный характер: объяснение происходит не через абстрактные переменные, а через анализ уникальных сочетаний исторических событий, приводящих к разным исходам. При этом исследователь ищет единство

в многообразии, то есть пытается отыскать комбинации разнородных причин, порождающих разные следствия — исторические последовательности (historical path) развития событий. Логические же эти методы потому, что отсутствие искомого следствия хотя бы в одном случае не позволяет сделать вывод о причинно-следственной связи, тогда как в случае статистической техники корреляции связь постулируется даже тогда, когда в некоторых случаях соотношение незначительно или отсутствует.

Анализируя данные стратегии, Рагин и Зарет делают интересный для нас вывод. Выбор той или иной стратегии сравнения зависит от научных интересов и ориентаций исследователя, от того, каким он полагает объект исследования и возможные способы его анализа, то есть от онтологических (сущностных) и эпистемологических предпосылок. Этот вывод отсылает нас к уже рассмотренному положению, что в социальных науках исследователь вынужден выбирать между разными теориями. Здесь мы можем продолжить эту линию и заявлять, что и стратегия сравнения (а вместе с ней и логика сравнения и объяснения) зависят от теоретических предпосылок исследователя. Важно также то, что Рагин и Зарет видят возможность совместного использования, взаимного дополнения и усиления этих стратегий. Например, в качественной стратегии при конструировании идеального типа для подкрепления постулируемых связей может использоваться корреляция, а в количественной стратегии идеальные типы можно использовать для обоснования объектов анализа и для объяснения связей, установленных с помощью сопутствующего изменения.

Современная дискуссия

Разделение на количественную и качественную стратегию сравнения, однако, не означает, что они мирно сосуществуют. В современной сравнительно-исторической социологии существует полемика относительно проблем теории и методологии сравнения, которая организуется вокруг стратегий сравнения, но не сводится к их разделению. Анализ этой дискуссии можно начать со статьи Джона Голдторпа «Текущие вопросы в сравнительной макросоциологии: дебаты о методологических вопросах» (Goldthorpe 1997a), вызвавшей оживленные споры. Голдторп выделил три серьезные проблемы, возникающие при сравнительном исследовании государств, обществ или культур, — проблему маленькой генеральной совокупности (the small N problem), проблему Галтона и проблему черного ящика (the black-box problem). Важно, что Голдторп рассматривает актуальность этих проблем для качественной и количественной стратегий сравнения и утверждает, что они характерны для обеих, а не только для количественной стратегии (делая при этом акцент

на критике качественной стратегии). Голдторп призывает к открытому признанию и совместному обсуждению данных проблем, к предложениям и критике их возможных решений.

Первая проблема, проблема маленькой генеральной совокупности, состоит в том, что при сравнении между государствами, обществами, культурами возникает проблема того, что генеральная совокупность не намного превосходит выборочную, что делает затруднительным применение статистических техник. Генеральную совокупность можно увеличивать, включая сравнения во времени (например, государства, существовавшие в прошлом), однако здесь встает вопрос, обладает ли исследователь достаточной информацией об этих государствах, а также какие именно объекты включать в генеральную совокупность (все ли государства, существовавшие на протяжении человеческой истории). Голдторп связывает эту проблему с переизбытком несущественной информации, собираемой в исследованиях, когда исследователь имеет слишком много переменных и слишком мало случаев.

Вторая проблема, к которой обращается Голдторп, это проблема Галтона. Она была поставлена в 1899 г. Фрэнсисом Галтоном, который задал Эдварду Тейлору вопрос, не являются ли корреляции между экономическими и семейными институтами разных обществ, которые тот обнаружил, результатом не функциональной связи, а культурной диффузии, заимствования. Это вопрос о том, не объясняются ли причинно-следственные связи, обнаруженные в ходе сравнения, внешним влиянием.

Последняя проблема, которую характеризует Голдторп, — это проблема теории: «проблема черного ящика», или вопрос о том, как перейти от регистрации закономерностей к причинному объяснению. Установив причины и следствия, исследователь должен объяснить механизм связи между ними. Таким образом, получается схема «причина — черный ящик — следствие», где вместо «черного ящика» могут быть предложены различные объяснения исходя из разных теорий.

Три проблемы, которые выделяет Голдторп, вынуждают исследователей не только прояснять свои теоретические предпосылки, но и искать новые способы улучшения качества сбора и обработки данных. Проблемы, которые описывает Голдторп, вряд ли разрешимы полностью, что признает и сам ученый, однако попытки их разрешить ведут к совершенствованию теоретико-методологического аппарата социальных наук: появлению новых теорий и концепций, разработке новых методов и методик, новых показателей и процедур выборки, указывают на возможные пути развития социологического знания, что станет ясно из анализа дискуссии, которую она вызвала. Эта дискуссия (Comparative... 1997) маркирует ключевые проблемы, «болевы точки» сравнительной

макросоциологии и сравнительной социологии в целом, а также возможные направления ее развития. Позиции оппонентов Голторпа можно кратко охарактеризовать следующим образом.

Аргумент Чарльза Рагина во многом основан на том, что уже было раскрыто при описании стратегий сравнения: качественная стратегия дает возможность исследовать множественную причинность, выявлять необходимые условия через исследование констант, возможность гибкого выделения кейсов и формирования теории, что не доступно для количественной стратегии. Автор заявляет, что обе стратегии имеют достоинства и недостатки, обе стремятся дать теоретические интерпретации социальных явлений исходя их эмпирических данных, и нельзя говорить о приоритете одной из них (Ragin 1997: 27–42).

Чарльз Тилли принимает критику Голдтропа (в том числе относительно методов Милля, которые, по его мнению, неприменимы в социальных науках, поскольку требуют знания точного набора конкретных причин). Однако Тилли заявляет, что выделенные Голторпом проблемы вторичны, главная же состоит в упадке *big case comparisons* — сравнений крупных кейсов, построенных на использовании методов Милля. Выход ученый видит в том, чтобы выявлять ключевые каузальные механизмы, конструировать каузальные истории и исследовать их на разных уровнях социальной реальности (Tilly 1997: 27–42).

Генри Тьон рассматривает проблемы сравнительной макросоциологии в аспекте того, возможны ли общие (предсказательные) теории применительно к социальной реальности (для макросоциологии это вопрос о противопоставлении исследования кейсов общему знанию). Главная проблема, согласно мнению исследователя, состоит в том, что социальные науки имеют дело с размытыми, плохо интегрированными («шум») и изменчивыми системами (меняются как элементы, так и отношения между ними). Отсюда следует «история» как способ их описания, но история — это не теория, и именно здесь встает проблема обобщения (Teune 1997: 73–84).

Джек Голдстон утверждает, что логика Милля действительно не применима в социальных науках, но логика сравнительных исследований кейсов — это не логика Милля. Она больше похожа на работу детектива: ученый сочетает дедукцию и индукцию для объяснения кейсов, выявляет исторические нарративы, раскладывает их на эпизоды, связанные причинно-следственной связью. Элементы заявляются по дедуктивным основаниям (теория), далее демонстрируется соответствие нарративов дедуктивной логике. Голдстон также отвечает на критику детерминизма, связанного с логическими методами: детерминизм возможен на макроуровне, даже если на микроуровне определяется лишь вероятность действия (так, если актер с вероятностью 50 % примет участие в револю-

ционных выступлениях, революция произойдет, поскольку половина населения поддержит ее) (Goldstone 1997: 107–120).

Дитрих Рюшемейер и Джон Стефенс также заявляют о том, что обе стратегии сравнения имеют как недостатки, так и достоинства. Они утверждают, что сравнительно-исторический анализ сложен, но необходим: многие паттерны имеют свойство сохраняться, возникают при сочетании разных условий, главное же, что причинная связь — это последовательность во времени. Исторический анализ кейсов имеет преимущество, поскольку позволяет проследить последовательность событий и помогает охарактеризовать деятельность акторов. Авторы называют эту процедуру «аналитическая индукция»: сначала ясно формулируется теоретический каркас, гипотезы, затем осуществляется анализ с возможным выдвиганием дополнительных гипотез, даже с изменением теории; в результате кейсы объясняются связной теорией (Rueschmeier, Stephens 1997: 55–72).

Отвечая на критику и подводя итог полемике, Голдторп формулирует три проблемы, вокруг которых разворачивается дискуссия: соотношение количественной и качественной стратегии, разработка и проверка теории, а также теории и истории. Первая содержит оценку слабых и сильных сторон обеих стратегий, их исследовательских инструментов, а также логики объяснения. Здесь Голдторп вновь защищает количественный подход и его перспективы. Вторая проблема состоит в том, может ли теория не просто подвергаться проверке, а создаваться в ходе исследования. Голдторп полагает, что разработка и проверка теории — это два разных вида деятельности, что изменения теории под влиянием данных — это шаг назад. Здесь автор ближе к классической позитивистской точке зрения и к попперианским критериям научности. Что касается третьей проблемы, это соотношение обобщения и апелляции к уникальным событиям, к истории. Голдторп придерживается точки зрения, что исторический нарратив не может служить объяснением, он относится к конкретному пространству и времени. Чтобы выйти за его рамки, всегда нужна теория (которая может оставаться скрытой), и всегда будут события и структуры исторические, выходящие за границы объяснений социологической теории. Уникальные события, по мнению Голдторпа, могут служить объясняющими факторами, но не предметом объяснения, а история и теория — это два разных интеллектуальных предприятия (Goldthorpe 1997b: 121–132).

Подводя итог дискуссии, можно отметить, что в настоящее время среди исследователей нет единого мнения относительно логики и возможностей сравнения в макросоциологии. Вопросы возможного уровня обобщения и соотношения теории и эмпирии — это вопросы о статусе эмпирической социологии как науки, о том, какому канону научности

она может и должна следовать*. Здесь сторонники количественной стратегии, как правило, в большей степени придерживаются позитивистского взгляда, отталкиваясь от строгих естественнонаучных канон проверки теории. Их оппоненты указывают на особую природу социальной реальности, на неоднородность социального пространства и времени, множественную причинность, сложность выявления каузальных связей и необходимость использовать для этого более «мягкие» инструменты, сближая, но не отождествляя социологию и историю.

Можно сделать вывод, что сегодня в сравнительной макросоциологии наблюдается раскол научного сообщества, связанный с выделением и оценкой проблем теории и методологии сравнительного социального анализа. Раскол касается как конкретного инструментария и логики исследования, так и более общих вопросов соотношения теории и эмпирии, должного и допустимого уровня обобщения, а также возможностей социологии как эмпирической науки, при этом все приведенные вопросы связаны между собой. Таким образом, современная дискуссия приводит к более ясному пониманию проблем и перспектив социальных наук и к усовершенствованию их исследовательского инструментария.

Выводы

В настоящей статье мы попытались ответить на два основополагающих вопроса: Зачем в социологии проводить сравнения? Может ли социология развиваться как наука вне сравнительных стратегий и процедур? Наш ответ на первый вопрос можно сформулировать так: в социологии вообще и в социальных науках в частности сравнение используется многообразно (см. табл. 1). Главное отличие социальных наук от естественных, на наш взгляд, состоит в том, что в социологии исследователь еще до эмпирического исследования вынужден выбирать между теориями, а значит, сравнивать их между собой. А от теоретических предпосылок ученого во многом зависит предмет и логика построения исследования и, как выяснилось, логика сравнения как механизма объяснения. Главное сходство между социологией и естественными науками состоит в том, что они, будучи позитивными науками, нуждаются в способе анализа данных, который бы позволял им проверять теории. Для этой цели и служит сравнение, только в естественных науках оно

* В связи с этим представляется интересной недавняя полемика историка Б.Н. Миронова и макросоциолога Н.С. Розова, затрагивающая «законность» выдвижения и конструирования теоретической модели без тщательного подкрепления ее эмпирическими данными. См. (Розов 2010а; 2010б; Миронов 2010а; 2010б).

принимает форму эксперимента, а в социальных науках исследователи вынуждены использовать сравнительные методы как косвенный эксперимент. Поэтому ответ на второй вопрос отрицательный: социология не может обходиться без сравнения, если хочет быть эмпирической наукой и стремится проверять теории, а не просто подкреплять их данными. Она не может обходиться без сравнения еще и потому, что исследователь вынужден сравнивать и выбирать между теориями до того, как проводит эмпирическое исследование.

Как мы уже выяснили, в социальных науках исследователь всегда стоит перед вопросом выбора и обоснования как теоретико-методологических оснований, так и конкретного инструментария исследования (см. рис. 1). В сравнительном социальном анализе эти проблемы лишь обостряются: на наш взгляд, сравнение в социологии может служить лакмусовой бумажкой проблем и теории, и методологии. Даже не затрагивая выбор конкретной теории (определяющей критерии сравнения), мы выявили множество взаимосвязанных проблем, и не всегда легко отнести их только к теории или к методологии. Вот перечень лишь наиболее общих из них, представленный в виде дилемм, стоящих перед исследователем:

1. Проверка теории vs иллюстрация теории, проверка теории vs создание теории. Это вопрос о соотношении теории и эмпирических данных: проверяется ли теория на данных, создается в ходе исследования, корректируется или лишь иллюстрируется.
2. Абстрактные переменные vs уникальные события. Исследователь должен определить возможный уровень обобщения и соотношение между абстрактной теорией и уникальными историческими событиями.
3. Наиболее похожие vs наиболее различные объекты. Необходимо обоснование объектов сравнения и их сравнимости, а также генеральная совокупность сравниваемых объектов и типа выборки из нее.
4. Разные vs одинаковые показатели. Это вопрос эмпирической интерпретации критериев сравнения: устанавливаем ли мы одинаковые показатели для сравниваемых объектов, или процедуры конструирования меняются от объекта к объекту.
5. Логические vs статистические методы Милля. Если исследователь стремится подкрепить причинно-следственную связь, он должен выбрать, логике какого из методов Милля он следует. Здесь принципиально различие между методом сопутствующих изменений (корреляцией), допускающим отклонения в пределах статистической погрешности, и остальными — логическими — методами, работающими лишь с наличием или отсутствием условия.

Проблемы, связанные со сравнительными методами и сравнительными исследованиями, очень часто отсылают к пересмотру теоретических предпосылок и почти всегда приводят к новым решениям в процессе сбора, обработки и анализа эмпирических данных. Таким образом, сравнительные исследования, как уже было отмечено, способствуют прогрессу социологического знания, в том числе и благодаря дискуссиям в этой области. Особенно перспективна в этом отношении сравнительная макросоциология, где проблемы выступают с наибольшей отчетливостью. Поэтому вполне допустимо сделать вывод, что сравнительная макросоциология (включая историческую макросоциологию) — это одна из областей, где возможен наибольший прогресс знания в отношении как содержания — результатов исследований, так и формы — научной методологии. Возможно, рассмотрение именно этой, одной из наиболее «эмпирических» и перспективных для проверки теорий, а с другой стороны, связанной с другими социальными науками (политология, экономика, социальная антропология) области социологического знания приблизит нас к пониманию, в каких направлениях способна развиваться сегодня эмпирическая социология*.

Литература

Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. М.: Прогресс, 1990.

Дюркгейм Э. Метод социологии // Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.

Интервью с профессором Нилом Смелзером // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 1 (60). С. 5–21.

Кобзарь В.И. Логика: учебно-методическое пособие для студентов гуманитарных факультетов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.

Коллинз Р. Золотой век макроисторической социологии // Время мира. Альманах. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск, 2000.

Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.

Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: «Медиум», 1995.

Лаудан Ларри // Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. СПб.: Петрополис, 1996–1997. [<http://www.cyclopedia.ru/93/203/2677572.html>].

Миронов Б.Н. Логическая игрушка: фантазии на исторические темы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010а. № 4. С. 72–85.

Миронов Б.Н. Расставим все точки над *i* // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010б. № 4. С. 92–96.

Поппер К. Логика научного исследования. М.: Республика, 2005.

* В поддержку идеи о перспективах сравнительной макросоциологии см. (Кнарр 1990; Розов 2008; Коллинз 2000).

Розов Н.С. «Спор о методе», школа «Анналов» и перспективы социально-исторического познания // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1.

Розов Н.С. Социальный механизм порождения российских циклов // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2010а. № 4. С. 48–70.

Розов Н.С. Теоретическая макросоциология и эмпирическая история: возможен ли продуктивный диалог // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2010б. № 4. С. 76–91.

Федоров Б.И. Логико-методологические основания компаративистики // *Компаративистика-II: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований* / Под ред. Л.А. Вербицкой, В.В. Васильковой, В.В. Козловского, Н.Г. Скворцова. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2002.

Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. Глава 3 // *Избранные труды по методологии науки*. М.: Прогресс, 1986.

Comparative Methodological Research. Methodological Issues in Comparative Science. 1997. Vol. 16.

Goldstone J. Methodological Issues in Comparative Macrosociology // *Comparative Methodological Research. Methodological Issues in Comparative Science*. 1997. Vol. 16. Pp. 107–120.

Goldthorpe J. Current Issues in Comparative Macrosociology: A Debate on Methodological Issues // *Comparative Methodological Research. Methodological Issues in Comparative Science*. 1997a. Vol. 16.

Goldthorpe J. Current Issues in Comparative Macrosociology: A Response to the Commentaries // *Comparative Methodological Research. Methodological Issues in Comparative Science*. 1997b. Vol. 16. Pp. 121–132.

Knapp P. The Revival of Macrosociology: Methodological Issues of Discontinuity in Comparative-Historical Theory // *Sociological Forum*. 1990. Vol. 5. Issue 4. December. Pp 545–567.

Ragin C. The Comparative Method: Moving beyond Qualitative and Quantitative Strategies. The Regents of the University of California, 1987.

Ragin Ch.C. Turning the Tables: How Case-Oriented Research Challenges Variable-Oriented Research // *Comparative Methodological Research. Methodological Issues in Comparative Science*. 1997. Vol. 16. Pp. 27–42.

Ragin C., Zaret D. Theory and Method in Comparative Research: Two Strategies // *Social Forces*. 1983. Vol. 61. No. 3 (March).

Rueschmeyer D., Stephens J. Comparing Historical Sequences — A Powerful Tool for Causal Analysis // *Comparative Methodological Research. Methodological Issues in Comparative Science*. 1997. Vol. 16. Pp. 55–72.

Smelser N. Comparative Methods in the Social Sciences. Prentice-Hall, 1976.

Teune H. Stories, Observations, Systems, Theories // *Comparative Methodological Research. Methodological Issues in Comparative Science*. 1997. Vol. 16. Pp. 73–84.

Tilly C. Means and Ends of Comparison in Macrosociology // *Comparative Methodological Research. Methodological Issues in Comparative Science*. 1997. Vol. 16. Pp 27-42.